

К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)**

**CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT
CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST
DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба,
Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

*Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН,
председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв
(Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова
(ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе
(сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин
(ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка
(Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН);
д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет);
к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров
(ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов
(Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ);
к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев
(Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

*Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель);
к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН);
А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН);
Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН);
В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН);
И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей
и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций
Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося
археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.**

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

Единичные ямы содержали кости животных, так, в одной из ям обнаружено 438 фрагментов, в том числе затылочная часть черепа лося (Ефремова и др. 2017). В ямах встречались также кости рыб. Дважды на площади ритуальных комплексов обнаружены антропологические остатки — фрагмент таза человека в скоплении костей коровы и пяточная кость среди фрагментов керамики в небольшой яме.

Таким образом, у носителей восточного варианта пахомовской культуры жертвоприношение играло значительную роль в культовом действе, что проявилось не только в присутствии жертвенной пищи и специфических находок, но и в наличии локализованного сакрального пространства, требовавшего возведения помещения для отправления ритуалов.

Литература

Ефремова Н. С., Молодин В. И. 2016. Один из сюжетов обрядовых действий в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1) // ПАЭАСиСТ. Т. 22. С. 278–282.

Ефремова Н. С., Мильникова Л. Н., Молодин В. И., Васильев С. К., Дураков И. А., Селин Д. В. 2017. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // ПАЭАСиСТ. Т. 23. С. 314–317.

Молодин В. И., Наглер А., Хансен С. и др. 2012. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // ПАЭАСиСТ. Т. 18. С. 231–236.

SACRIFICES IN THE LATE BRONZE AGE (AFTER MATERIALS FROM THE CEMETERY OF TARTAS-1 IN BARABA FOREST-STEPPE)

Natalya S. Efremova

Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk, Russia

Keywords: *Baraba forest-steppe of southwest Siberia, Andronovo culture, Pakhomovskaya culture, sacrifice, ritual complex, world views, spiritual culture, production cults.*

Archaeological evidence suggests the presence of irrational world views related with communication with supreme powers in the ideological notions of bearers of early cultures. Along with ritual complexes, both settling and burial ones confirm this opinion. Among materials from burial grounds, the frequent finds of pottery can be interpreted both as the presence of food accompanying the funerary ritual and funerary feasting, as well as the practicing sacrificial rites. Occasionally, within the area of a cemetery are found objects seemingly unrelated to the funerary rite. A specific collection of artifacts, as well as their localization within the limits of a necropolis suggest a non-ordinary semantics of these structures. The presence of certain categories of finds makes it possible to connect the latter with practicing rituals of another type, e. g. hunting ones or even those related with metal casting, while the findings of separate bones of homo are possibly suggestive of human sacrifices.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА НИЖНЕЙ АНГАРЫ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-98-101

Ключевые слова: *бронзовый век, Нижнее Приангарье, керамика, хронология.*

Керамика бронзового века Нижнего Приангарья практически не исследована. Традиционно к эпохе бронзы относят посуду с «жемчужинами» и рубчатой поверхностью, но работы последних лет демонстрируют наличие в регионе и других керамических традиций.

В период раннего бронзового века в нижнее течение р. Ангары проникают носители керамики, сопоставимой с посудой северобайкальского типа (рис. 1, 1), бытовавшей в Прибайкалье в середине III — третьей четверти II до н.э. (Харинский и др. 2009: 126). Аналогии в материалах энеолита — ранней бронзы лесной зоны Васюганья находит ложнотекстильная керамика с оттисками полукруглого штампа в верхней части (рис. 1, 2) (Кирюшин 2004: 49). Единичные находки такой посуды присутствуют только в низовьях Ангары, восточнее она неизвестна. О возможном влиянии западносибирских культур энеолита и ранней бронзы свидетельствуют редкие в Приангарье находки текстильной керамики.

Дискуссионным остается вопрос о верхнем хронологическом рубеже керамики устьбельского типа. На основании радиоуглеродных дат на юге Средней Сибири она соотносится с ранним бронзовым веком и датируется 4100 л. н. (Бердников 2013: 217). Для нижнего течения Ангары такая датировка пока не получила подтверждения.

К развитому бронзовому веку относится группа разнообразной керамики с «жемчужинами», которая на основании радиоуглеродных определений может быть датирована

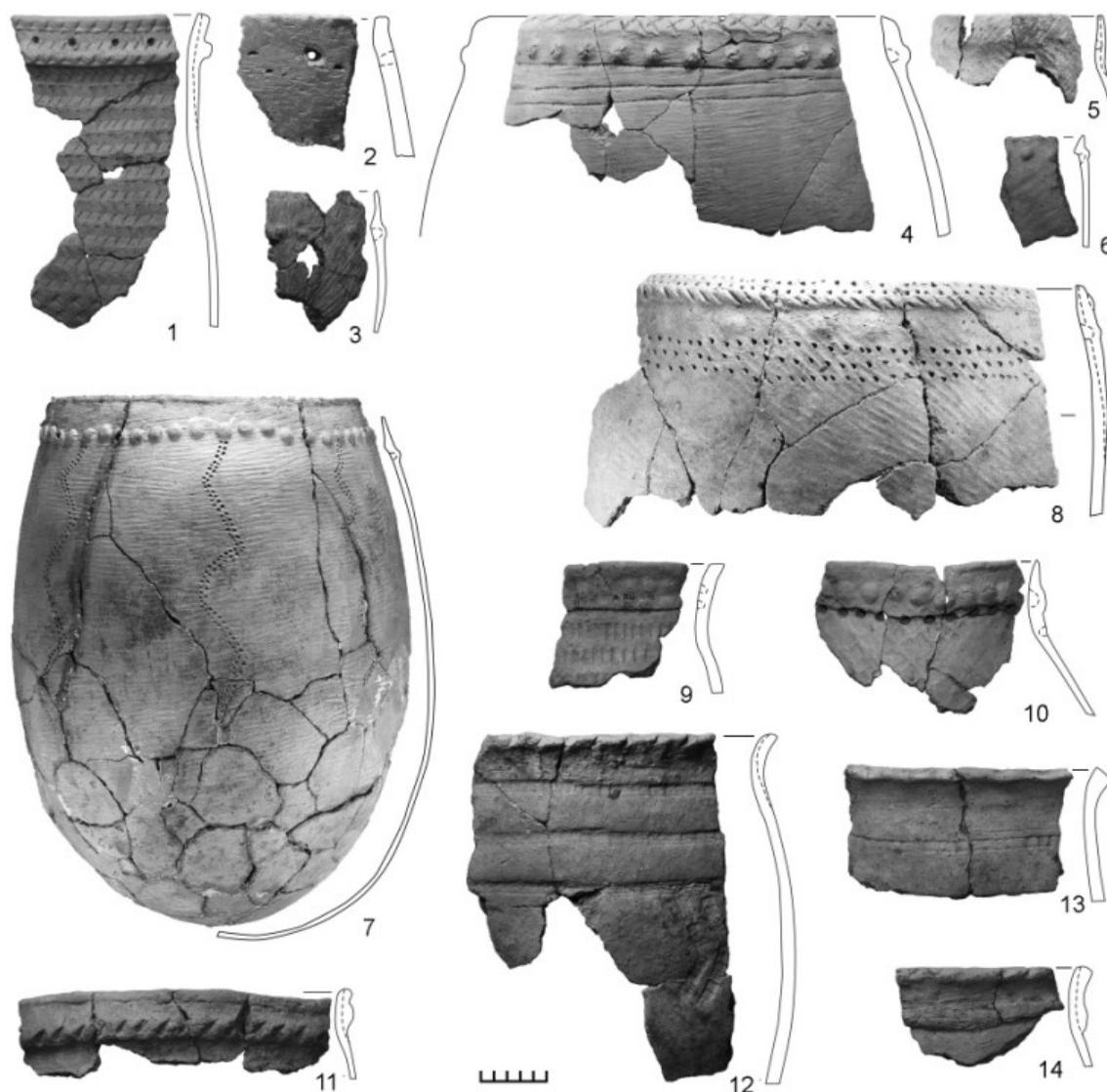

Рис. 1. Керамические сосуды бронзового века Нижнего Приангарья: 1, 3, 6, 9–14 — комплекс Проспихинская Шивера-IV; 2 — стоянка Ближняя Елань; 4, 5, 7, 8 — стоянка Итомиура

серединой III—II тыс. до н. э. Учитывая, что представленная керамическая традиция восходит к серовской керамике, возможно в дальнейшем нижняя граница ее бытования в Нижнем Приангарье будет скорректирована. Предлагалось рассматривать посуду с «жемчужинами» в рамках единого регионального керамического пласта бронзового века (~3600–3000 л. н.) (Гурулёв, Максимович 2016: 190). Однако морфологический анализ таких сосудов демонстрирует их разнородность. Материалы указывают на наличие в Приангарье нескольких вариантов такой керамики, внутренняя хронология которых требуют разработки. Отличия сосудов прослеживаются по форме, облику поверхности (гладкая, рубчатая, с «расчесами»), сечению венчика, элементам композиции и орнамента (рис. 1, 3–8).

В период развитой бронзы в Нижнем Приангарье появляется керамика, близкая посуде улахан-сегеленняхского типа (рис. 1, 9), распространенная в Якутии в 1900 ± 400 — 1350 ± 350 гг. до н.э. (Дьяконов 2011: 164). Вместе с ней на Ангаре встречаются сосуды с «вафельным» техническим декором и разнородным орнаментом (рис. 1, 10). Пока они не образуют четких типологических групп, что затрудняет их культурно-хронологическую привязку.

К периоду поздней бронзы можно отнести горшки с выраженной шейкой, прямым или скошенным наружу венчиком (рис. 1, 12, 13). Орнаментация их разреженная: насечками украшался венчик, горизонтальными рядами оттисков отступающей лопаточки или гладких наколов — плечики. Схожие сосуды известны в материалах позднего бронзового века Красноярской лесостепи и Канско-Рыбинской котловины.

В финальном периоде бронзового века в Нижнем Приангарье, вероятно, появляется «воротничковая» керамика, украшенная пальцевыми защипами и наколами (рис. 1, 11, 14). Эта керамическая традиция получила развитие в период раннего железного века в комплексах цэпаньской культурно-исторической общности. В Прибайкалье «воротничковая» керамика с пальцевыми защипами появляется в мухорских комплексах X–VIII вв. до н. э. В южно-таежной зоне Среднего Енисея схожая посуда с утолщенным краем и оттисками пальцев характеризует керамику заостровского типа шепилевской культуры поздней бронзы XI–VIII вв. до н. э.

В бронзовом веке в Нижнем Приангарье существовало несколько керамических традиций, связанных как с развитием местных позднеолитических комплексов, так и с проникновением сюда групп населения из Прибайкалья, Якутии, лесной зоны Западной Сибири, лесостепных районов Средней Сибири.

Литература

- Бердников И. М. 2013. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского ГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. № 1. С. 203–229.
- Гурулёв Д. А., Максимович Л. А. 2016. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск. Т. 1. С. 185–195.
- Дьяконов В. М. 2011. Керамика улахан-сегеленняхского типа в бронзовом веке Якутии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск. Т. 2. С. 163–170.
- Киришин Ю. Ф. 2004. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул.
- Харинский А. В., Емельянова Ю. А., Рыков Г. К. 2009. Северо-Западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // ИЛАИ. № 7. С. 86–132.

CERAMIC COMPLEXES OF THE BRONZE AGE ON THE LOWER ANGARA: PROBLEMS OF CHRONOLOGY AND CULTURAL BELONGING

Pavel V. Mandryka, Polina O. Menotrusova
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Keywords: *Bronze Age, Lower Angara region, pottery, chronology.*

The Bronze Age pottery from the Lower Angara region remains poorly investigated; no cultural or chronological groups are determined within it. Vessels close to the North-Baykal pottery are attributed to the Early Bronze Age, as well as the ware with false textile imprints on the surface which has parallels among materials from the forest zone of Western Siberia. The period of the advanced Bronze Age is represented by a group of pottery of different types with “pearls” and seamed surface. Simultaneously, pottery appears on the Angara which is close to the Ulakhan-Segelennyakh ceramics of Yakutia. The period of the Late Bronze comprises pots with a distinct neck and sparse decoration which have parallels among materials of the Krasnoyarsk forest-steppe and Kansk-Rybinsk hollow. In the Final Bronze Age, on the Lower Angara, there appears collar pottery with finger-pinched impressions. The Bronze Age date of the pottery of the Ust-Belsk type and ware with “waffle” imprints remains arguable.

ТАГАРСКАЯ КУЛЬТУРА МАРИИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

П. В. Герман¹

Институт экологии человека ФИЦ угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-101-103

Ключевые слова: *Мариинская лесостепь, ранний железный век, тагарская культура, погребения, поселения, междисциплинарный подход.*

1. Мариинская лесостепь, расположенная в междуречье Кии и Урюпа (притоки р. Чулым), являлась северо-западной периферией ареалов древних культур Минусинских котловин. В полной мере данный тезис характеризует период раннего железа века, что подтверждается десятками выявленных и раскопанных памятников тагарской культуры. С конца 1950-х до конца 1970-х гг. комплексы раннего железного века Мариинской лесостепи являлись основными объектами исследований кемеровских археологов. Материалы раскопок своевременно издавались, использовались в многочисленных аналитических работах и подготовке диссертационных исследований. Выход обобщающей монографии (Мартынов 1979) ознаменовал собой завершение программы по изучению тагарской культуры Мариинской лесостепи.

2. Перспективы изучения тагарской культуры Мариинской лесостепи базируются на актуализации уже имеющихся источников, их дополнении и корректировке за счет новых материалов и применения междисциплинарных методов.

С 2013 г. начался новый этап систематического изучения памятников раннего железного века Мариинской лесостепи. В ходе работ уточнены местонахождения ранее известных и выявлены новые памятники, произведены раскопки погребальных комплексов и рекогносцировочные работы на поселениях.

Важное место отведено работе с материалами 1950–1970-х гг. Изучение музейных коллекций осложнено депаспортизацией значительной части предметов (Китова 2002). Тем не менее, важность проведения такой работы представляется очевидной, что в том числе

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ГЗ № 0352-2019-0006 (ЕГИСУ НИОКТР № АААА-А17-117041410051-7).